

Журнал выходит 4 раза в год.

Адреса электронной почты редакторов *AI*:

И. В. Герасимов (Отв. Ред.): office@abimperio.net

С. В. Глебов (США и Канада): ai_us@abimperio.net

А. П. Каплуновский (Западная Европа): akapluno@yahoo.de

М. Б. Могильнер (Россия и СНГ): marina@abimperio.net

А. М. Семенов (Центральная и Восточная Европа): semyonov@abimperio.net

И. С. Мартынюк (Рецензии и библиография): igor.martynyuk@abimperio.net

Почтовый адрес редакции:

И. В. Герасимов

Ab Imperio

420015 г. Казань А/Я 157

Электронная страница журнала <http://abimperio.net>

© Авторы статей и иных опубликованных материалов, 2006.

Материалы журнала реферируются в следующих изданиях:

Historical Abstracts и *America: History and Life*

Номер издан при финансовой поддержке

фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров и фонда Герды Хенкель

По поводу подписки на *AI* обращайтесь в редакцию.

The journal is published four times a year.

Ab Imperio is an affiliated journal

of the American Association for the Advancement of Slavic Studies

Electronic addresses for editorial correspondence:

Dr. Ilya Gerasimov (Executive Editor): office@abimperio.net

Dr. Serguei Glebov (USA and Canada): ai_us@abimperio.net

Dr. Alexander Kaplunovski (Western Europe): akapluno@yahoo.de

Dr. Marina Mogilner (Russia and NIS): marina@abimperio.net

Dr. Alexander Semyonov (Central and Eastern Europe): semyonov@abimperio.net

Igor. S. Martynyuk (Reviews and Bibliography): igor.martynyuk@abimperio.net

Postal address:

Dr. Ilya V. Gerasimov, Ab Imperio

P.O. Box 157, Kazan 420015 Russia

Please visit the *Ab Imperio* Home Page at <http://abimperio.net>

Each contribution copyright © 2006 by its author. All rights reserved.

Articles appearing in this journal are abstracted and indexed in

Historical Abstracts and *America: History and Life*

This issue is produced with financial support

from the **John D. and Catherine T. MacArthur Foundation**

and the **Gerda Henkel Stiftung**

For subscription, please contact editors or our authorized distributors:

Kubon & Sagner Buchexport-Import: www.kubon-sagner.de

EBSCO: www.ebscoind.com;

East View Publications: www.eastview.com;

and www.amazon.com

Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space

AB IMPERIO

Исследования по новой имперской истории и национализму
в постсоветском пространстве

РЕДАКЦИЯ EDITORS

Илья В. ГЕРАСИМОВ	Ilya V. GERASIMOV
Сергей В. ГЛЕБОВ	Serguei V. GLEBOV
Александр П. КАПЛУНОВСКИЙ	Alexander P. KAPLUNOVSKI
Марина Б. МОГИЛЬНЕР	Marina B. MOGILNER
Александр М. СЕМЕНОВ	Alexander M. SEMYONOV
Рецензии и библиография	Reviews and Bibliography
Игорь С. МАРТЫНЮК	Igor S. MARTYNYUK
Литправка и корректура	Style Editing and Proofreading
Елена ГОРОБЕЦ	Elena GOROBETS
Патрик ДИГАН	Patrick W. DEEGAN

3/2006

www.abimperio.net

Peter van der Veer <i>The Visceral and the Secular</i> Питер ван дер Вейр <i>Нутряное и секулярное</i>	59
ИСТОРИЯ	II. HISTORY
CORDI NOBIS EST RELIGIO, NON NATIO	
Irina Paert "Two or Twenty Million?" <i>The Languages of Official Statistics and Religious Dissent in Imperial Russia</i> Ирина Пярт "Два или двадцать миллионов?" <i>Языки официальной статистики и религиозного раскола в Российской Империи</i>	75
Пол Верт <i>Глава церкви, подданный Императора: Армянский католикос на перекрестке внутренней и внешней политики империи, 1828-1914</i> Paul Werth <i>The Head of Church, A Subject of the Emperor: The Armenian Catholicos at the Junction of the Internal and Foreign Politics of Empire, 1828-1914</i>	99
Sergei Zhuk "A Separate Nation" of "Those Who Imitate Germans": <i>Ukrainian Evangelical Peasants and Problems of Cultural Identification in the Ukrainian Provinces of Late Imperial Russia</i> Сергей Жук "Особый народ" "подражающих немцам": украинские крестьяне-евангелисты и проблема культурной идентичности в украинских губерниях поздней Российской империи	139
	
Константин Боленко "Русский вельможа, европейский grand seigneur и татарский князь" Н. Б. Юсупов: к вопросу о самоориентализации российского дворянства в последней трети XVIII – первой трети XIX вв. Constantine Bolenko "Russian Grandee, European Grand Seigneur, and Tatar Prince" N. B. Iusupov: On the Question of Self-Orientalization of Russian Nobility in the Last Third of the Eighteenth – First Third of the Nineteenth Century	161
Chia Yin Hsu <i>A Tale of Two Railroads: "Yellow Labor," Agrarian Colonization, and the Making of Russianness at the Far Eastern Frontier, 1890s–1910s</i> Ча Инь-Сю <i>История двух железных дорог: "желтая рабочая сила", сельскохозяйственная колонизация и формирование русскости на дальневосточной окраине, 1890-е – 1910 гг.</i>	217

АРХИВ	III. ARCHIVE	254
Диляра Усманова "Вaicовский Божий полк староверов-мусульман": языки религиозного, сословного, политического и национального противостояния в Российской империи Dilbara Usmanova "Vaisov God's Regiment of Muslim Old Believers": Languages of Confessional, Estate, Political, and National Resistance in Russian Empire		255
Документы Documents		272
СОЦИОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ	IV. SOCIOLOGY, ANTHROPOLOGY, POLITICAL SCIENCE	320
Михаил Соколов <i>Новые правые интеллектуалы в России: стратегии легитимации</i> Mikhail Sokolov <i>The New Right Intellectuals in Russia: Strategies of Legitimization</i>		321
Екатерина Панова "Свои" и "чужие" ученики: представления петербургских учителей об этнических различиях и границах русскости Ekaterina Panova <i>Students "Our" and "Alien": The Views of St. Petersburg Teachers on Ethnic Diversity and the Limits of Russianness</i>		355
Oksana Morgunova <i>Europeans, not Westerners: How the Dilemma "Russia vs. the West" is Represented in Russian Language Open Access Migrants' Forums (United Kingdom)</i> Оксана Моргунова <i>Европейцы, но не западники: как дилемма "Россия и Запад" представлена в русскоязычных открытых Интернет-форумах эмигрантов (Великобритания)</i>		389
Раиса Акифьева, Анна Толкачева <i>Национальная и региональная идентичность в дискурсе официальной прессы Санкт-Петербурга</i> Raisa Akif'eva and Anna Tolkacheva <i>National and Regional Identity in the Discourse of St. Petersburg Official Press</i>		411
НОВЕЙШИЕ МИФОЛОГИИ	VI. NEWEST MYTHOLOGIES	436
Ольга Христофорова "Дети природы", или этнические проекты региональных телестудий Olga Khristoforova "Children of Nature", or the Ethnic Projects of Regional Television Stations		437

acy that was typical for late nineteenth century imperial Europe,⁶⁸ when after the cultural transformations of the Enlightenment “the newly confident largely bourgeois elites [in the age of empire] came increasingly to see their societies as unique in the human panorama, owing to the special significance.”⁶⁹ Participants to the web-forums create a mirror image of the “Other” to strengthen their ideas of their own social, moral and cultural prominence. Their alleged belonging to Europe becomes for them the most important indicator of their status and position of power, and forms the basis for their ambition to succeed in the new society.

At the same time it is important to remember that although the Russian-speaking migrants to the United Kingdom discourse differences through binary and value-laded oppositions, their strategies of othering are at least three folded and complicated by differentiating between positive “internal” others (former compatriots), positive external others (native British population), and an imagined negative external other.

SUMMARY

В статье рассматривается семантика концептов “Европа” и “Запад”, актуальная для участников Интернет-форумов русскоязычных эмигрантов в Великобритании. Она определяется, в частности, по отношению к концепту “Россия”. Автор задается вопросом о причинах популярности на форумах проблематики “инаковости”: проявление ли это желания выделить и отделить себя или стремления вписаться в доминирующую идентичность принимающего общества, проведя границу между собой как его частью и настоящими “иными”. Автор приходит к выводу, что на русскоязычных британских форумах концепция “Запада”, семантика которого для российских эмигрантов сохраняет свою амбивалентность, теряет популярность и замещается более позитивной концепцией “европейскости”. В статье рассматриваются различные аспекты семантики “европейскости”: территориальная, религиозная, гражданская; ее способность “отчуждать” эмигрантов неевропейского происхождения. Во второй части статьи автор концентрируется на риторических стратегиях, к которым прибегают эмигранты, конструируя образ “другого”.

⁶⁸ For an example see Eric Hobsbawm. *The Age of Empire, 1875-1914*. London, 1989.

⁶⁹ Brian Alleyne. *An Idea of Community and its Discontents: Towards a More Reflexive Sense of Belonging in Multicultural Britain // Ethnic and Racial Studies*. 2002. Vol. 25 No. 4. P. 610.

Раиса АКИФЬЕВА
Анна ТОЛКАЧЕВА

НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ДИСКУРСЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПРЕССЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА*

Распад Советского Союза повлек за собой процессы становления и укрепления суверенных государств, сопровождавшиеся не только политическими и экономическими изменениями, но и формированием нового чувства национального единства. На уровне отдельного государства подобные трансформации происходят в контексте масштабного национального строительства, направленного на преобразование советской идентичности бывших граждан СССР в национальную идентичность граждан новых государств. В России этот вопрос приобрел особую остроту в силу выбора федеративного государственного устройства. Всплеск сепаратистских тенденций в 1990-е годы актуализировал необходимость поиска национальной идеи, которая позволила бы консолидировать население, разобщенное по религиозным, языковым и региональным признакам и тем самым обосновать легитимность новой власти. Основанием для подобной консолидации и легитимации служит “нация” – однородная группа людей, связанных общнос-

* Данное исследование выполнено в рамках поддержанного фондом INTAS проекта “Tolerance and Intolerance in the Post-Soviet Press: Applying New Methods of Measurement and Evaluation”. Грант 04-79-6813. Авторы выражают благодарность анонимным рецензентам *AI* за ценные советы и замечания.

тью культуры, традиции, а также особой историей.¹ В предлагаемом исследовании мы постарались выяснить, какие реальные содержания стоят за “культурой, традицией и историей” и как конкретно идет формирование национальной идентичности в современной России, за счет чего обеспечивается консолидация населения, что служит признаками его однородности, как понимаются культурные или исторические особенности, объединяющие людей друг с другом, с одной стороны, и дифференцирующие их – с другой.

* * *

Теоретики национализма трактуют национальную идентичность и как культурную, и как политическую.² Но, как справедливо подчеркивают современные исследователи, дискуссии между примордиалистами, конструктивистами и представителями других направлений, между приверженцами тех или иных определений нации в настоящее время уступают место изучению агентов и механизмов формирования национальных, региональных или других типов идентичностей, семантике языка национальности в различных контекстах, ситуативному рассмотрению действий и мотиваций тех, кто создает, модифицирует, распространяет и воспринимает национальные дискурсы и идентичности.³ Мы рассматриваем национальную идентичность прежде всего как продукт социального конструирования, как динамичное семантическое пространство, в которое вовлечены определенные люди и группы, а не как некую неизменную данность, “объективно” приобретенную индивидом в процессе социализации.⁴ При этом важно по-

¹ К. Вердери. Куда идут “нация” и “национализм”? // *Нации и национализм. Антология* / Перевод с англ. Л. Е. Переяславцева, М. Б. Гнедовской; Перевод с немец. М. С. Панина. Москва, 2002. С. 297-307.

² *Нации и национализм. Антология* / Перевод с англ. Л. Е. Переяславцева, М. Б. Гнедовской; Перевод с нем. М. С. Панина. Москва, 2002; Э. Смит. *Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма*. Москва, 2004.

³ В. Гельман, Т. Хопф. *Центр и региональные идентичности в России: рамки анализа* // *Центр и региональные идентичности в России*. Санкт-Петербург, Москва, 2003. С. 7-28; От редакции. *Размышления историков о перспективах лингвистического и антропологического поворотов в изучении империи и национализма* // *Ab Imperio*. 2006. № 1. С. 11-16.

⁴ *Рассмотрение социальных идентичностей с позиции социального конструирования* восходит к теории П. Бергера и Т. Лукмана (П. Бергер, Т. Лукман. *Социальное конструирование реальности*. Москва, 1995). На сегодняшний день можно констатировать относительную устойчивость такой позиции, которая позволяет в

нимать, что семантическое пространство идентичности не рассматривается нами как стихийно конструируемое. Напротив, оно точно локализовано антропологически – существуют определенные группы, которые разрабатывают этот “продукт”, вступают в диалог с другими группами, внедряют его или способствуют его усвоению.

В нашем исследовании мы изучаем государственный дискурс нации. Здесь мы приближаемся к распространенному в научной литературе пониманию нации как “культурного конструкта, выкованного и спроектированного различными элитами с целью удовлетворения определенных нужд или специфических интересов”.⁵ В нашем исследовании речь идет о правящей государственной элите, которая нуждается в укреплении существующей власти за счет национальной консолидации.⁶

Несмотря на то, что в расхожем бытовом словоупотреблении в российском обществе национализм понимается как доминирование и превосходство одной группы над другими и пересекается с понятием “ксенофобия”, на аналитическом уровне термин “национализм” предстает как политическая идеология, в рамках которой выстраивается нация как гражданско-политическая категория, и в данном контексте он может быть лишен указанной негативной коннотации, поскольку определяет идеологию, делающую возможным само существование единого государства. При отсутствии тенденций к сепаратизму, серьезных внутрисоциальных противоречий или иного открытого политического вызова национализм может выступать как интегрирующая идеология, посредством которой обеспечивается лояльность по отношению к государству и идентификация с ним.⁷ Другими словами, национализм – идеология, которую используют и к которой апеллируют элиты любого национального государства.

Границы общности (Мы-группа), к которой обращается власть, формируются посредством определения того, кто входит в Мы-груп-

ряде случаев излагать ее без рассмотрения возможных альтернатив. См. например, С. Хантингтон. *Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности*. Москва, 2004.

⁵ Э. Смит. *Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма*. Москва, 2004. С. 25.

⁶ Р. Брубейкер. *Именем нации: размышления о национализме и патриотизме* // *Ab Imperio*. 2006. № 2. С. 59-79.

⁷ М. Биллинг даже вводит понятие “банального национализма”, подразумевающего различные способы воспроизводства национальных государств. см. М. Биллинг. *Нации и языки* // *ЛОГОС*. 2005. № 4 (49). С. 44-71.

пу, и выделения исторических и культурных факторов, призванных обеспечить культурную однородность или уникальную схожесть всех включаемых в это сообщество, а также формирования Они-группы, которая не пересекается с Мы-группой (враги, Другие и т.д.). В одних случаях формирование национальной идентичности может осуществляться на основании апелляции к этнической гомогенности предполагаемых членов "нации", в других – этничность не обязательно является ее несущим конструктом. Категория "Другие" как элемент конструкта идентичности – категория, обладающая самой широкой семантикой, от цивилизационного Другого до Другого как собственного прошлого.

Таким образом, в настоящей статье под национальной идентичностью мы понимаем представления о коллективной общности, объединяющие население того или иного региона или страны вне зависимости от систем стратификации или других структур деления общества, сконструированные и закрепленные в системе идей и практик, целью которых является обоснование и удержание власти. Соответственно, задачей большинства социально-политических институтов государства является обеспечение воспроизводства этих идей и практик. При этом СМИ оказываются одним из основных и наиболее действенных способов их трансляции. В современном обществе СМИ предлагают и широко тиражируют основные образцы идентификации "своей" группы, посредством которых устанавливаются и закрепляются границы национальной коллективной общности и обозначаются приемлемые пределы допустимых различий. При этом консолидация сообщества возможна как на основе негативного образа Другого, так и на основе позитивного типа консолидации через апелляцию к славному прошлому или не менее славному будущему. Тем не менее, и в том, и в другом случае категория Другого оказывается одним из основных элементов в выстраивании идентичности и идентификации.

В последние годы резко возросло количество исследований, которые изучают способы передачи средствами массовой информации сообщений об этнических, культурных и религиозных процессах и феноменах.⁸ При этом, поскольку национализм и ксенофобия в россий-

ском сознании нередко отождествляются, большинство отечественных исследований национализма в СМИ изначально направлены на выявление в них интолерантности, шовинизма или сепаратизма. Таким образом, в фокус внимания ученых в основном попадают тексты, которые могут способствовать формированию и закреплению этнических, расовых, религиозных, региональных предрассудков у представителей целевой аудитории, воспринимающей данный тип СМИ, что в целом искажает и упрощает наше понимание функционирования национальной идеологии и риторики в современной России.⁹ СМИ транслируют не только системы взглядов и убеждений, способствующих формированию предрассудков и ксенофобии, но и идеи и подходы в духе гражданского национализма, направленного на конструирование и закрепление позитивных представлений о коллективной общности.¹⁰ Функция подобного рода публикаций – в позитивной консолидации нации как гражданско-политической единицы. Для них характерна апелляция к историческим и культурным (не биологическим/этническим) факторам, которые призваны обеспечить культурную однородность или уникальную схожесть всех включаемых в формируемое сообщество – нацию.

Содержание материала, транслируемого СМИ, способ и форма его подачи напрямую зависят от взглядов тех, кому эти СМИ принадлежат. В этом смысле мы исходим из предположения, что большая часть

Conflicts. Berghof Handbook for Conflict Transformation. Berlin, 2001; Н. Рам. Prisoners of the Caucasus: Literary Myths and Media Representations of the Chechen Conflict. Berkeley, 1999; Г. Дэвис, Ф. Хэмонд, Л. Низамова. Медиа, языковая политика и культурные изменения в Татарстане: исторические versus прагматические требования государственности // Постсоветская культурная трансформация: медиа и этничность в Татарстане / Под ред. С. Ерофеева. Казань, 2001. С. 58-85 и др.
⁹ См. М. А. Аствацатурова. Пресса ставропольского края: межэтнические отношения и этнокультурные образы как объекты профессионального интереса. Ростов-на-Дону, Пятигорск, 2003; А. Малашенко. Ксенофобия в постсоветском обществе // Нетерпимость в России: старые и новые фобии. Москва, 1999; Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. Москва, 2002; Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ / Сост. А. М. Верховский. Москва, 2002 и др.

¹⁰ В качестве примера исследования, выполненного в рамках такого подхода, можно назвать: Л. В. Сагитова. Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере республики Татарстан) // Центр и региональные идентичности в России. Санкт-Петербург, Москва, 2003. С. 77-124.

⁸ Например: J. Walter (Ed.). Racism and Cultural Diversity in the Mass Media. Vienna, 2004; St. M. Hoover and S. C. Lynn (Eds). Practicing Religion in the Age of the Media: Explorations in Media, Religion, and Culture. New York, 2002; M. E. Price. Media and Sovereignty: the Global Information Revolution and its Challenge to State Power. Cambridge, Mass., 2002; D. Reljić. The News Media and the Transformation of Ethnopolitical

того, что говорится и пишется в официальных, или т.н. проправительственных, СМИ, является голосом правительства отдельного региона или государства в целом либо и того и другого вместе. Поскольку государство заинтересовано в легитимации коллективного целого нации как источника своего суверенитета и своего права выступать от лица этой нации, гражданский национализм представляется неотъемлемой частью государственной идеологии. Следовательно, одной из важных задач государственных СМИ является обеспечение трансляции идеологии национальной консолидации граждан. Можно предположить, что государство, претендующее на статус демократического, проводя национальную политику, будет избегать ущемления каких-либо групп населения. Поэтому в отличие от большинства других идеологических изданий проправительственные СМИ должны говорить политкорректным языком, не провоцирующим национальную рознь. Обращение именно к этим изданиям позволяет изучить механизмы выстраивания и проговаривания основных составляющих общенационального мировоззрения, включающих в себя, в частности, представления о гражданах, определенных группах населения, стране, взаимодействии с внешней средой. Так как любая идеология – это не только совокупность определенных убеждений, но и побуждение к действию, анализ официальных изданий позволяет ответить на вопрос: к каким действиям побуждает государство членов нации, а также понять, к кому оно апеллирует, другими словами, кто включается в сообщество “нация”, а кто подлежит исключению; выстраивается ли нация на основе одной/нескольких этнокультурных групп или всей совокупности граждан государства без выделения и описания каких-либо этнокультурных сообществ; способствует ли государственная идеология, транслируемая в официальных СМИ, позитивной гражданской консолидации или изоляционистским тенденциям и т.д.

В этой связи особенно интересно исследование региональной прессы, позволяющей увидеть, насколько на официальном уровне регионы отождествляют себя с центром и согласны с проводимой им политикой; в чем специфика конструирования гражданской идентичности на региональном уровне и как она соотносится с конструированием собственно региональной идентичности. Наш выбор региональных проправительственных ежедневных газет основывается еще на одном дополнительном предположении: призванные информировать население о происходящем и в тоже время транслировать официальную идеологию, делая ее частью повседневности, эти газеты могут выступать

средствами достижения целей региональных элит, которые в ряде случаев могут расходиться с общенациональной политикой.

Непосредственно мы рассматриваем правительственные СМИ Санкт-Петербурга – мегаполиса, способного конкурировать с административной столицей государства. Второй по величине город России, Петербург является одним из ведущих научных и промышленных центров страны, центром образования и туризма. Важно и особое территориальное расположение города, его репутация “самого европейского города” России.¹¹ С другой стороны, Санкт-Петербург остается городом регионального значения, со своими специфическими региональными особенностями и проблемами. Для нашего исследования важно, отражается ли эта статусная двойственность в дискурсе региональных элит, которые могут быть заинтересованы в формировании особой региональной идентичности, противопоставленной другим вариантам идентичности, либо, напротив, способствующей общероссийской консолидации. И если на уровне управления Петербургом формируется региональная идентичность, то каким ее характеристикам придается особое значение? Немаловажно для нас и изучение реакции официальной региональной прессы на череду преступлений на этнической почве, закрепивших за Санкт-Петербургом статус нетолерантного региона.

Мы посчитали целесообразным сконцентрировать наш анализ официальных петербургских СМИ на временных отрезках, отмеченных событиями, вызвавшими в обществе наибольший резонанс: 11 сентября 2001 (террористические акты в США), захват террористами школы в Беслане, празднования 60-летней годовщины окончания Великой Отечественной войны и снятия блокады, а также убийство в Петербурге таджикской девочки Хуршеды Султоновой. Такого рода события потенциально способны вызвать максимальное единение и сплоченность населения, стать поводом для дополнительной мобилизации и консолидации. В то же время они дают повод для выражения недовольства со стороны граждан и активизации идеологического

¹¹ О мифологии Санкт-Петербурга в контексте балтийского региона см.: В. Е. Морозов. Мифология Санкт-Петербурга и транснациональные процессы в регионе Балтийского моря // <http://www.edc.spb.ru/conf2001/Morozov.html#2>. Последний раз проверялась 25 сентября 2006. Интересно отметить, что автор упоминает о мифологии Санкт-Петербурга как о “мифологии российской северной столицы”, тем самым демонстрируя собственные представления о немифичности столичного статуса Санкт-Петербурга.

творчества властей. Официальные издания в силу своего статуса должны быть корректными в освещении таких событий, именно поэтому политика газет в эти периоды очень показательна, она проявляется в подборе материала, в характере описания событий, в интерпретациях, в языке журналистов.

Характеристика изданий

Учитывая все сказанное, наш выбор пал на *Санкт-Петербургские Ведомости* (СПВ) и *Невское время* (НВ). Это ежедневные газеты, которые выходят 5 раз в неделю тиражом в 223 тыс. экземпляров и 85 тыс. экземпляров соответственно. Обычно материалы в этих газетах размещаются на шести больших полосах, но по субботам в случае СПВ, и по пятницам в случае НВ количество полос увеличивается как минимум вдвое.

Согласно постановлению правительства Санкт-Петербурга от 30 декабря 2003 г. № 173 *Санкт-Петербургские Ведомости*, *Невское Время* и *Деловой Петербург* являются изданиями, в которых публикуются все законы Санкт-Петербурга, а следовательно, они обладают особым статусом, дающим им преимущества при распространении. Например, любой человек, даже не имеющий возможности выписывать данные газеты или читать их в библиотеках, может ознакомиться с ними на стендах, расположенных в различных районах города.

На страницах СПВ и НВ преобладает социально-экономическая тематика, рассматриваются вопросы образования, экономического развития, пенсионного обеспечения, ЖКХ и прочие близкие населению темы. В этих изданиях представлен дискурс власти, однако даже когда материал персонифицирован, власть предстает достаточно абстрактно. Скажем, если подача материала идет в негативном свете, то фигура губернатора дистанцируется от описываемых событий. В процентном отношении к общему количеству публикаций значительное место занимает освещение культурных мероприятий: выставок, концертов, налаживания разнообразных культурных связей с другими городами и странами. Значительное количество публикаций отведено под исторические хроники и связь прошлого и настоящего.

В отличие от публикаций в так называемых “желтых” или “полужелтых” изданиях (таких как *АИФ*, *Московский комсомолец* и др.), региональная проправительственная пресса не освещает скандальные сюжеты, не злоупотребляет экспрессивным описанием кровавых подробностей трагедий или криминальной хроникой, что в значительной

мере снижает возможный накал страстей в связи с событиями, способными спровоцировать ксенофобию или в целом нетолерантное отношение к представителям “чужих” групп. Воздействие проправительственной прессы на эмоции ограничено; как правило, она не выходит за пределы фиксации события (часто страшного уже на уровне описания) и затрагивает общегражданские и человеческие чувства людей, которые сами могли бы стать жертвами таких событий.

Нация сквозь призму региональной прессы: основные составляющие

Прежде чем перейти к рассмотрению того, каким образом национальный концепт россиянина отражен в региональных СМИ, попытаемся выяснить задаваемую ими семантику региональной идентичности жителей Санкт-Петербурга. Тем более что национальная идентичность в официальной петербургской прессе артикулируется прежде всего через региональную идентичность. Если в газетных текстах произвести замену слова “петербуржцы” на слово “россияне” или наоборот (особенно если речь идет о каких-то достаточно серьезных событиях, имевших общественный резонанс), серьезного смыслового сбоя мы не увидим.

Тем не менее определенная специфика региона все-таки присутствует. Так, региональная идентичность петербуржцев в основном строится на успешно развиваемом в советские времена и активно поддерживаемом сегодня статусе культурной столицы. Возможно, именно поэтому полосы проправительственных газет содержат такое огромное количество воспоминаний об исторических событиях, местах, монументах, а также многочисленные хроники культурной жизни города и жизнеописания великих людей, чьи имена связаны с Петербургом. Статус “культурной столицы” не обладает столь существенным оппозиционным потенциалом по отношению к центру, как имеющийся у этнических республик и регионов ресурс этничности. Оппозиционность тропа “культурной столицы” проявляется лишь в противопоставлении Петербурга Москве¹² как столице административной (но не федеральному центру в целом). В газетах практически отсутствуют упреки по адресу федеральных властей, зато апелляция к культур-

¹² Порой под вопрос ставится даже историческая древность Москвы по сравнению с Петербургом. См., напр., Е. Ронин. С 700-летием, город на Неве! Пришло время развеять некоторые мифы // *Невское Время*. 2001. 14 сентября.

ности региона помогает оспаривать закрепившиеся за Петербургом негативные ярлыки (типа “криминальной столицы” России). Скажем, в официальной газете можно прочитать информацию о том, как человека ограбили на Ленинградском вокзале в Москве, что должно свидетельствовать о не меньшей криминализации Москвы.¹³ В других публикациях сравнивается политика городских властей двух столиц и делается вывод о том, что в Санкт-Петербурге отсутствует политика тотальной проверки регистрации, а руководители города не призывают к ужесточению режима пребывания, как это делают их коллеги в Москве.¹⁴ В освещении убийства таджикской девочки явно присутствует стремление обнаружить следы этого и многих других преступлений на этнической почве в Москве.¹⁵ При этом Петербург либо непосредственно противопоставляется Москве, либо отождествляет себя в этом противопоставлении с другими регионами России, с Россией в целом.

Как показывает анализ отобранных нами газет, региональная идентификация, прежде всего – культурная, реализуется посредством апелляции к прошлому, к былому значению города, к изменениям, произошедшим с его населением, к девальвации статуса культурной столицы.¹⁶

Наш город, как известно, называют культурной столицей России. Но временами факты нашей жизни явным образом противоречат этому титулу. Видели ли, скажем, где-нибудь в Европе гуляющих по газонам ньюфаундлендов весом под 90 кг? И, соответственно, впечатляющего размера следы их жизнедеятельности на этих самых газонах. Но больше всего поражают наши люди. Способ отдыха на лавочках, позаимствованный у низших приматов (обезьян), ногами на сиденье, сражает прямо наповал. Такого не доводилось увидеть ни в каком другом российском городе, даже в тех, которые не считаются особо культурными и уж тем более столичными.¹⁷

¹³ О. Федорова. Подарок на 8 Марта // *Невское Время*, 2004. 3 сентября.

¹⁴ П. Виноградов. Война на несколько фронтов // *Невское Время*, 2004. 9 сентября.

¹⁵ М. Рутман. Это дело нашей чести // *Санкт-Петербургские Ведомости*, 2004. 20 февраля.

¹⁶ И еще – столица карманников? // *Санкт-Петербургские Ведомости*, 2004. 4 сентября; М. Каменецкая. Спешл Прайс // *Санкт-Петербургские Ведомости*, 2004. 10 сентября; В. Лагунов. Трампин для “падения в культуру” // *Санкт-Петербургские Ведомости*, 2004. 3 сентября.

¹⁷ В. Лагунов. Трампин для “падения в культуру” // *Санкт-Петербургские Ведомости*, 2004. 3 сентября.

В подобных статьях, помимо тревоги в связи с утерей петербуржцами их специфических черт, подчеркивается и наличие людей, сохраняющих культуру города и поддерживающих его статус. Это работает на укрепление Мы-образа столицы, сформированного в прошлом, но заслуживающего сохранения и в настоящем. В рамках такого подхода романтизируются такие отрицательные явления, как, например, петербургские “коммуналки” (коммунальные квартиры), которые оказываются изюминкой города, делают его “интересным”. В то же время троп “культурной столицы” размывает региональную идентификацию петербуржцев, универсализируя культурное значение их города как альтернативной/бывшей столицы России. Получается, что в течение веков Петербург формировал то, что определяло достоинства россиян в целом, что сегодня воспринимается как основа для строительства нации:

Именно в Петербурге на протяжении многих десятилетий формировалась подлинная элита многонациональной России¹⁸ –

подобные высказывания можно часто встретить в официальных газетах.

Среди исторических событий, принципиальных для конструирования региональной идентичности петербуржцев, центральное место занимает блокада. Блокада выступает как важнейший локус петербургского хронотопа, по отношению к которому выстраивается Мы-образ жителей города и в прошлом, и в настоящем. Но, помимо этого, блокада является важным событием в истории страны в целом, символом сплочения не только жителей города и области, но и всего народа, всех членов нации – большой “нашей” группы.

Но он (блокадный Ленинград – авт.) еще был и бастионом высочайшей духовной мощи и патриотизма, придавшим дополнительные нравственные силы всей стране, которая тоже в свою очередь делала все, чтобы поддержать моральный дух жителей и защитников города.¹⁹

Здесь видно, как блокада обретает, помимо регионального, национального значение. Поэтому авторы региональной прессы обращаются к читательской аудитории, явно выходящей за пределы региона:

¹⁸ Интервью с Олегом Родзевичем, директором ГУ “Санкт-Петербургский дом национальностей”. Как научиться жить вместе, знают на Моховой, 15 // *Санкт-Петербургские Ведомости*, 2006. 27 апреля.

¹⁹ В. Кошванец. Подвиг во имя жизни // *Санкт-Петербургские Ведомости*, 2004 г. 27 января.

мы обязаны воспитывать на уроке, который она (блокада – авт.) преподнесла всему человечеству, все новые и новые поколения россиян. ...Но у всех у нас одна Родина, и она всегда будет нуждаться в истинных патриотах, готовых отстаивать ее честь и в беде, и в труде.²⁰

Таким образом, региональная идентичность формулируется посредством общенациональных символов, а общегражданская идентичность, в свою очередь, выражается языком региональной, и эта взаимозависимость размывает границы между ними. Особенно это заметно в статьях, публикуемых под рубрикой “По национальности – петербуржцы”, где в принципе отсутствует различие между “материалом”, из которого конструируются гражданская идентичность и собственная региональная идентичность.

Эта синтетическая региональная и одновременно национальная Мы-группа формируется посредством утверждения культурной общности, в которой этничность не является важной. Напротив, постоянно подчеркивается, что “Мы” многонациональны – как на региональном, так и на федеральном уровнях.

Непосвященные даже не подозревают, как много людей разной национальности за три века населяли наш город и становились истинными петербуржцами;²¹

или

Многонациональность – Судьба Петербурга. Но в то же время у каждого горожанина есть и общая “национальность”, и она называется “ленинградцы-петербуржцы”.

Значение Петербурга как полиэтничного центра очевидно. Пожалуй, в России нет другого города, в котором бы так тесно и монолитно сплелись десятки, а то и сотни различных культур.²²

Этнический универсализм выступает составной частью Мы-образа петербуржца и Мы-образа россиянина. В Мы-группу включаются все, кто равнодушно относится к стране в целом:

²⁰ Там же.

²¹ М. Шмидт. Дружили без оглядки // Санкт-Петербургские Ведомости. 2006. 23 мая.

²² Интервью с Олегом Родзевичем, директором ГУ “Санкт-Петербургский дом национальностей”. Как научиться жить вместе, знают на Моховой, 15 // Санкт-Петербургские Ведомости. 2006. 27 апреля; А. Милкин. По национальности – петербуржцы // Невское Время. 2004. 15 сентября.

Дома национальностей – по существу, центры межэтнического общения, объединяющие разноликое население мегаполиса по интересам. Вернее, по одному главному, общему интересу – равнодушно к судьбе родного города, своей страны.²³

Или еще:

Здесь покоятся вместе патриоты страны вне зависимости от их национальности и веры.²⁴

При всей инклюзивности подобных формул в них заложено понимание, что далеко не каждый приехавший в Петербург или вообще в Россию становится частью группы “Мы”. То, что отличает истинного россиянина или петербуржца от “фальшивого” – это общий исторический опыт, психологическая причастность и позитивное переживание важнейших исторических событий. Именно исторические события в первую очередь формируют культурную однородность группы.

И сотни тысяч, миллионы приезжих переплавлялись в едином тигле петербургской – ленинградской культуры. И нельзя забывать, что и приезжали зачастую те, кто уважительно называл жителей этого прекрасного города “блокадниками”.²⁵

Таким образом, опыт блокады не только формирует петербургскую идентичность переживших ее. Правильное эмоциональное отношение и интерпретация этого опыта открывают путь в региональную Мы-группу людям, приезжающим в Петербург. Причастность к блокаде также понимается достаточно широко – это не только жизнь в блокадном Ленинграде, но и наличие родственника-блокадника, а даже просто умение правильно понять значение блокады:

если вы цыган, живете себе в Петербурге, законов не нарушаете; дед ваш, цыган, защищал Ленинград...²⁶

Предполагается, что наличие деда-блокадника, наряду с законопослушанием, доказывает благонадежность человека. С другой стороны, человек, проживающий в Санкт-Петербурге, может не быть частью

²³ А. Милкин. По национальности – петербуржцы.

²⁴ В. Кошванец. Подвиг во имя жизни // Санкт-Петербургские Ведомости. 2004. 27 января.

²⁵ В. Николаев. Ведь мы же с тобой – ленинградцы... // Невское Время. 2004. 10 января.

²⁶ А. Долгошева. Почему рома сами не разберутся // Санкт-Петербургские Ведомости. 2006. 23 мая.

Мы-группы, если у него не сформировалось правильного отношения к историческому опыту города. Так, в статье, повествующей о проявлении неуважения к блокадникам и откровенном игнорировании их прав, делается вывод о том, что подобные люди – чужаки:

...ждать от них иного поведения, наверное, было бы трудно. Оказавшись волею каких-то судеб в нашем городе, они не поняли о нем ничего. Возможно, даже не захотели понять и, с большой долей вероятности, воспитают или уже воспитали себе подобных.²⁷

Причастность историческому опыту города, в частности – блокаде, навсегда делает человека, где бы он ни проживал, частью “нашей” группы:

И в какие бы города и веси ни разбросала судьба блокадников, все они – ленинградцы.²⁸

В связи с этим и границы регионального Мы-сообщества не всегда совпадают с регионом, так же как границы национального российского Мы-сообщества расходятся с территориальными границами России. Об этом сигнализирует популярный в дискурсе официальных властей и СМИ концепт “соотечественников”. Как правило, этот термин используется в новостных сообщениях, когда речь идет о какой-либо катастрофе, затронувшей “наших соотечественников”. Более идеологически нагруженный вариант использования этой категории характерен для сообщений о проблемах русскоязычного населения ближнего зарубежья. В этом случае “соотечественники” не только говорят на русском языке или хотят вернуться в Россию. Они чтят наше общее (прежде всего – советское) прошлое, разделяют наши ценности, то есть формируют с Россией культурную общность. Обратным примером, также работающим на формирование концепции культурного единства, является использование этнических маркеров при представлении тех, кто, имея славянскую фамилию и будучи русскоязычным, не разделяет ценности “нашей” группы. Так, в одной из статей рассказывается о том, как “эстонец Куликов” пытался организовать на границе России и Эстонии бордель, укомплектованный российскими девушками, с целью шпионажа за гражданами России, а после провала этого предприятия предпринимал попытки завербовать агентуру в Петербурге через своих одноклассников для шпионажа в пользу Эсто-

²⁷ М. Елисеева. Чужие в городе // Санкт-Петербургские Ведомости. 2004. 26 февраля.

²⁸ Т. Кирпичников. Город помнит, город помнят... // Невское Время. 2004. 28 января.

нии. Подобные люди не подпадают под категорию соотечественников и не являются близкими “нам” в культурном смысле. “Эстонец Куликов” чужой, поскольку

избежал печальной участи большинства своих русскоязычных сограждан. Невзгоды каким-то удивительным образом его миновали. Несмотря на службу в “оккупационных” войсках, он смог получить гражданство и даже был принят в национальную спецслужбу.²⁹

Наиболее четко описание нации как культурного (не этнического, не территориального) сообщества проявилось в публикациях на тему убийства в Петербурге таджикской девочки Хуршеды Султоновой – несмотря на то, что в газетах эта история была представлена по-разному. В СПб крайне мало говорилось о проблемах, связанных с ксенофобией и расизмом, содержалась попытка представить убийство как следствие неправильной социальной политики: мол, дети у нас такие, потому что мы их бросили. Авторы газеты заявляли, что для этой категории детей и подростков любое публичное обсуждение проблем миграции (например, в телепрограммах типа аналитической программы В. Познера на Первом канале) может послужить стимулом к враждебным действиям; что без учета социальных предпосылок получается, что скинхеды – это не просто люди, убивающие других из-за цвета кожи или фенотипа, а изверги, которые убивают и своих.³⁰ Совершенно противоположный стиль освещения убийства таджикской девочки предложило НВ: газета встала на борьбу со сторонниками лозунга “Россия для русских”. Этот лозунг, прозвучавший из уст одного из нападавших, НВ озвучило, в то время как СПб предпочли не упоминать вовсе. Также в публикациях НВ ставилась проблема недостаточной государственной поддержки толерантности в СМИ.³¹ Но, несмотря на такое разное преподнесение событий, обе газеты исходили из общего понимания ментальных границ нации и специфики ее куль-

²⁹ М. Рутман. Пока живут на свете болтуны, бравый “Джеймс Бонд” не останется без работы // Санкт-Петербургские Ведомости. 2004. 17 февраля.

³⁰ М. Рутман. После прогулки – смерть // Санкт-Петербургские Ведомости. 2004. 11 февраля; В. Кошванец. Страшное пистолета // Санкт-Петербургские Ведомости. 2004. 14 февраля; М. Рутман. Курсанта били ногами, стараясь попасть в голову... // Санкт-Петербургские Ведомости. 2004. 26 февраля.

³¹ М. Буренин. Убийц достать хоть из-под земли // Невское Время. 2004. 11 февраля; Ш. Абдулаева. Эта девочка не взрывала метро // Невское Время. 2004. 14 февраля.

турной однородности. Авторы обеих проправительственных газет лишают людей, совершивших убийство Хуршеды Султоновой, права считаться полноправными россиянами (хотя по всем формальным признакам они – россияне) на том основании, что эти проживающие в Петербурге люди не разделяют ценностей этнического и исторического универсализма и культурной толерантности.

Как показал наш анализ, официальная пресса не использует ксенофобию как способ негативной консолидации общества. Имеется совершенно обратная тенденция, в рамках которой толерантность подчеркивается как специфическая черта российского народа и подается не как общечеловеческая ценность, но национальная, присущая только российскому человеку. Создается впечатление, что этническое или расовое насилие плохо не само по себе как нарушение прав человека, но как преступление против национальной традиции. Насилие на этнической почве, распространившееся в регионе, осуждается прежде всего на том основании, что оно противоречит истории, традиции, ведь Санкт-Петербург всегда был многонациональным городом, жители которого, независимо от этнической принадлежности, жили в мире. Толерантность оказывается частью того исторического опыта, того “сакрального знания”, которым Мы обладаем и которое Нас объединяет:

Это дело нашей общей чести. И все мои ребята настроены точно так же. У меня заместитель – грузин, в отделе есть азербайджанец, еврей, мы никогда не делились по национальному признаку. Все происшедшее – дикость полная для каждого из нас...³²

Более того, в качестве одной из составляющих концепта “россиянин”, на который в данном случае накладывается концепт “петербуржца”, объявляется не только историческое самосознание, но и определенный тип “духовности”, присущий только этой Мы-группе. Так, например, в одной из статей высказывается мнение, что на данный момент в своей же собственной стране мы ощущаем себя эмигрантами, поскольку начинаем утрачивать те особенности, преимущественно духовного свойства, которые, по мнению авторов, присущи только России. В статье делается вывод: “Пока мы не разучились любить, мы это мы, а Россия это Россия”.³³ Таким образом, через духовность, лю-

³² М. Рутман. Это дело нашей чести // Санкт-Петербургские Ведомости. 2004. 20 февраля.

³³ Л. Жуховицкий. Эмигранты // Санкт-Петербургские Ведомости. 2004. 20 февраля.

бовь, которая, как подчеркивается, была жива в советское время и которой теперь становится меньше, страна и ее население лишаются своей основы. При этом Россия противопоставляется другим странам, в которых любовь стала синонимом секса. Поэтому Они не понимают Нас и оказываются в связи с этим достойными жалости, несмотря на их свободу и богатство.

Ну, к примеру, американцы с трудом понимают, что такое любовные клятвы между людьми взрослыми, однополыми, объединенными общим делом. Хорошее деловое сотрудничество – это пожалуйста. Но любовь (если вы, конечно, не сексуальное меньшинство)...³⁴

Подобные высказывания призваны подчеркнуть уникальность духовной жизни россиян на фоне прагматичности и бездуховности людей Запада. Более того, именно противопоставление России и Америки чаще всего иллюстрирует эту оппозицию:

у нас дружба доводит до самопожертвования, а для американцев дружба – это чаще всего способ провести время.³⁵

...многие их поступки куда проще и прямолинейнее наших. У них очень простые классификации “бедный”, “богатый”, там, где у нас “свой” или “не свой”, либо даже “родной” или “не родной”.³⁶

В подобных статьях речь идет о том, что только сохранение российской духовности, особого понимания любви является залогом здорового национального и государственного развития:

Россию, которую веками давило и грабило разнородное, но всегда силой навязанное начальство, спасла, возможно, именно любовь. Мы рождаемся и растем под ее теплым зонтиком, и она кажется нам естественной, как свет днем и снег зимой. Только сейчас мы с тревогой начинаем сознавать, что жить можно и по-иному.³⁷

Подобное корректное по форме и как бы подкрепленное авторитетом очевидцев либо экспертов отстранение Другого, безусловно, работает на создание положительного Мы-образа, вызывает в населении чувство гордости за свой народ и некоторой жалости к Другим,

³⁴ В. Коротич. Они и мы // Санкт-Петербургские Ведомости. 2004. 3 сентября.

³⁵ Там же.

³⁶ Л. Жуховицкий. Эмигранты.

³⁷ Л. Жуховицкий. Эмигранты // Санкт-Петербургские Ведомости. 2004. 20 февраля.

лишенным наших национальных черт. Но эта жалость потенциально может выступать как нетолерантность, хотя и выраженная в более мягкой, завуалированной форме, поскольку эти Другие живут лучше духовных “нас”, что, в свою очередь, формирует чувство ущемленности, недооцененности и стимулирует конструирование негативных образов Других. Гораздо менее корректные высказывания о Других, чем в журналистских статьях сотрудников газет, и мысли о превосходстве собственной нации часто встречаются в письмах читателей в рубрику “Есть мнение” (СПВ). Нередко авторов таких писем редакция награждает почетным знаком “Золотое перо”.

Как правило, такое преподнесение Запада как Другого подается достаточно неотрефлексированно, поскольку в газетах также широко представлены и описания жизни финнов, французов, американцев и других народов без сопоставления их с нами и подчеркивания сходства или различия. Однако именно коллективный и абстрактный Запад конструируется как негативный полюс национальной идентичности, источник опасности, вносящий разброд и шатания в ряды группы “Мы”. При этом достаточно часто Запад ассоциируется с российскими либералами как внутренней группой “Они”:

Любовь к своей нации – это любовь к ее вере и идеалам, а следовательно, отрицание противоречащих им западно-либеральных идей.³⁸

или

Совершенно очевидно, что элементы так называемой управляемой демократии, в насаждении которых наши отечественные либералы обвиняют Кремль, совершенно уместны, если не сказать необходимы, в Чечне. Проблема здесь не в несоответствии процедуры выборов западным образцам, а в том, как будут развиваться события в республике с новым президентом.³⁹

Также стоит отметить, что в категорию “Они” нередко включают и саму российскую власть как некую абстрактную силу, а не конкретную федеральную или региональную власть. Положительным полюсом общероссийской и включенной в нее региональной идентичности, безусловно, является фигура российского президента. Можно ска-

³⁸ П. Клевцов. Сегодняшние уроки Переяславской Рады // Санкт-Петербургские Ведомости. 2004. 14 февраля.

³⁹ А. Борисов. Трудная миссия Алу Алханова // Санкт-Петербургские Ведомости. 2004. 4 сентября.

зать, что в официальных изданиях Санкт-Петербурга образ президента и федерального центра в его лице выписан достаточно положительно, и во многом именно через него выстраивается гражданская идентичность россиян. Он представляет собой своего рода символ нации. Более того, он такой же, как “Мы”, его тоже обманывает кто-то, воплощающий собой абстрактную чуждую “Нам” власть. Федеральный центр рассматривается в прессе как основной источник сохранения стабильности в стране. Этот тезис чаще всего иллюстрируется примерами конкретных “усилий” Президента по сохранению стабильности на Северном Кавказе:

В нынешних условиях федеральному центру, сейчас активно пытающемуся нормализовать ситуацию в Чечне, придется приложить титанические усилия для того, чтобы не допустить нового обострения ситуации на Северном Кавказе, нынешняя трагедия в Северной Осетии может возродить застарелый конфликт между ингушами и осетинами, разразившийся в начале 1990-х годов. Тогда федеральному центру с трудом удалось развести два народа.⁴⁰

Семантика термина “стабильность”, отсылающая к “стабильности” на Кавказе, не случайна. Именно Кавказский регион чаще всего фигурирует в той же прессе как источник нестабильности, полигон национальных конфликтов и сепаратизма. Достаточно сложно из анализа региональной прессы понять, чем в контексте конструирования категории “Мы” является Кавказ, и особенно Чечня. Как правило, когда понятие “многонациональности” иллюстрируется перечислением братских народов, в них не попадают чеченцы.

Вспомним, что, готовя нападение на СССР, Гитлер откровенно рассчитывал на раскол нашего многонационального государства, на вспышку вражды друг с другом населяющих его народов. Однако эти планы в итоге потерпели полный крах. Да, гитлеровцам удавалось сколотить из пленных отдельные национальные формирования для отправки на Восточный фронт. Но это было, скорее, исключение из правил. Зато в наших окопах рядом с русскими сидели тогда казахи и грузины, татары и армяне, киргизы и осетины. Благодаря этому мы и победили.⁴¹

⁴⁰ О. Леонов. Вслед за терактом начнется кровная месть? // Санкт-Петербургские Ведомости. 2004. 4 сентября.

⁴¹ Консолидация происходит не на митингах // Санкт-Петербургские Ведомости. 2004. 18 сентября.

или

я припоминаю, что были среди нас украинцы, татары, евреи и поляки, грузины и азербайджанцы, представители народов Дагестана и т.д.⁴²

Более того, в петербургских официальных СМИ информация о Чечне представлена крайне скупо, сообщениями (в одну строку) по военной или криминальной тематике. Эта тенденция вообще характерна для подачи информации о военных конфликтах и проблемных зонах на территории России и ее границах:

Российские пограничники временно перекрыли пункты пропуска на российско-грузинской границе;

или

Россия приняла временные меры по ограничению пересечения границы с Азербайджаном.⁴³

Поданные таким образом сообщения публикуются без пояснений и комментариев, недостаток информации порождает у читателей тревогу и настороженность.

В то же время в официальных СМИ достаточно широко представлен православный дискурс, и это, безусловно, задает определенные параметры конструируемого образа “Мы-россияне”. Этничность в этом образе получает право гражданства в рамках тропа многонациональности, в то время как православие самодостаточно и напрямую включено в концепт российской гражданственности, не сталкиваясь при этом с конкуренцией в лице ислама, буддизма, иудаизма и других религий или даже христианских конфессий.

Помимо светской власти города – Валентины Матвиенко – на чествовании присутствовала и власть духовная в лице митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира. После Божественной литургии в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры одна из российских святынь – ковчег с мощами блаженного князя – с крестным ходом была вынесена на площадь.⁴⁴

Ненавязчивое отождествление “духовной власти” в городе с властью митрополита и провозглашение мощей Александра Невского рос-

⁴² М. Шмидт. Дружили без оглядки // Санкт-Петербургские Ведомости. 2006. 23 мая.

⁴³ Невское Время. 2004. 2 февраля; Невское Время. 2004. 15 сентября.

⁴⁴ К. Кирпичников. Щит России // Невское Время. 2004. 14 сентября.

сийской – но не русской, не православной – святыней проводят мысль о том, что Россия и православие есть одно и то же. Эта мысль находит подтверждение в словах губернатора Валентины Матвиенко, процитированных в статье:

Образ Александра Невского, стремившегося объединить, сплотить Русь в условиях страшных испытаний, – сказала она, – особенно близок и нужен нам во времена общей беды, потому что он сам – воплощение русской державности, православия, национального достоинства.

Губернатор еще раз призвала к духовному объединению нации против угрозы терроризма и пожелала мира и процветания “замечательному городу, хранимому незабвенным образом своего святого покровителя”.

Далее автор статьи описывает, как “по мере прохождения процессии по Невскому проспекту к ней присоединялись как горожане, так и гости города на Неве”, завершая таким образом смысловой ряд, выстроенный в статье: Александр Невский как православный символ России объединяет всю нацию.⁴⁵

Такой подход никак не корректируется ни информационным рядом, ни присутствием на страницах газет неправославного дискурса. Как уже отмечалось, мусульмане в официальной прессе практически не представлены, а если они и присутствуют, то это, как правило, иностранные мусульмане либо абстрактные приверженцы ислама, нередко упоминаемые в крайне негативном контексте.⁴⁶ В основном в газетах рассказывается о православных праздниках, памятных датах и героях.⁴⁷ Отчеты об официальных мероприятиях всегда содержат упоминания о присутствии, наряду с руководителями города, православных иерархов. Даже там, где совершенно очевидно участие неправославных религиозных деятелей (как, например, на митингах, посвященных трагедии в Беслане), как правило, упоминаются только представители православной церкви: помимо президента “...есть еще председатель Церкви, чье слово весомо всегда”.⁴⁸ Или пример другого рода:

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ П. Виноградов. Мусульманский экстремизм наступает на Россию // Невское Время. 2004. 2 сентября.

⁴⁷ Например: С. Петров Всадник, овсянный легендами // Невское Время, 2004. 11 апреля.

⁴⁸ П. Виноградов. Мусульманский экстремизм наступает на Россию // Невское Время. 2004. 2 сентября.

У меня был друг. Через некоторое время после нашего знакомства я стала замечать, что он постоянно акцентирует внимание на своем отношении к евреям, африканцам, кавказцам: “У этих людей есть своя страна, а в нашей им делать нечего. Они загрязняют нашу землю, ведут себя здесь как хозяева, создают семьи с русскими женщинами, нарушая расовую гигиену.” Нелюбовью к другим расам у нас страдают многие, но отнюдь не всегда это выражается в столь яркой и эмоциональной форме. Я пыталась реагировать на его слова как можно более спокойно. Ведь у каждого человека есть право на собственное мнение. Тогда я еще не догадывалась, к чему эта свобода может привести в конечном итоге. Но по-настоящему я испугалась тогда, когда после моих очередных слов о Боге он заявил, что у него иная вера и он не приемлет христианство.⁴⁹

Тенденция к отождествлению русскости и православия подтверждается и высказываниями некоторых региональных чиновников. Так, уполномоченный ЗакСа по связям с религиозными конфессиями, чиновник, разработавший закон о межнациональных отношениях в Санкт-Петербурге, Игорь Риммер, заявил от лица власти в газете, представляющей голос власти:

Бесланский удар террористов был нанесен в самую болевую точку: ведь христианская Северная Осетия – наиболее стабильная сегодня и пророссийски ориентированная кавказская республика.⁵⁰

Эта фраза сразу устанавливает границы национальной общности, связывая национальную лояльность с территорией распространения православия и заставляя усомниться в потенциальной лояльности мусульманских граждан России.

В любом случае категория “православный” в дискурсе официальных СМИ определена гораздо четче, чем категория “русские” – эта своего рода семантическая “черная дыра”, в которой переплавлено очень многое. “Русские” чаще используются как своеобразная надэтническая категория, но при этом они не заменяют категорию “россиянин”, и в целом сложно говорить об осознанном использовании этих понятий. “Русские”, “русский народ” предпочтительнее тогда, когда

⁴⁹ М. Померанцева, М. Буренин. Мутные дела белых воинов // *Невское Время*. 2005. 18 февраля.

⁵⁰ Консолидация происходит не на митингах // *Санкт-Петербургские Ведомости*. 2004. 18 сентября.

речь идет об истории, когда национальная общность определяется через прошлое Древней Руси, Российской империи и СССР. Эти периоды в подавляющем большинстве случаев описываются как история русского народа.⁵¹ В то же время качества исторического “русского” человека или народа экстраполируются и на современную Россию:

Будем надеяться, что русская армия не растеряла и не растеряет эти драгоценные качества, и если она унаследовала от своих предков многое дурное, то в не меньшей степени унаследовала и хорошее!⁵²

В исторической перспективе “русский человек” понимается как непосредственный предшественник “советского”, т.е. его определяет не этничность, а гражданство, принадлежность к государству:

Русский человек, как известно, способен на героический рывок, на исторический прорыв. Став советским, он сохранил в душе эту невероятную способность.⁵³

С другой стороны, анализ публицистических заметок на злободневные темы, писем читателей, хроники текущих событий показал, что современный концепт “россиянина” ассоциируется в первую очередь не с “русским”, а с “советским” человеком. По сути, использование в официальной прессе концепта “русского/советского человека” как обобщенного надэтнического концепта, обращенного в прошлое, можно рассматривать как способ консолидировать россиян в настоящем, как демонстрацию их солидарности на основе общей исторической памяти. В этом смысле данный концепт оказывается крайне востребованным, поскольку именно с его помощью излагаются славные события национального прошлого. При этом проблемные, негативные исторические периоды или события вытесняются из газетного текста и официальной памяти.

* * *

Медийный дискурс во многом отражает и в то же время конструирует взаимоотношения власти и общества. Различные стратегии и проекты, формулируемые властью внутри страны, должны находить и, как правило, находят свое отражение в материалах СМИ, поскольку

⁵¹ А. Пюккенен. Русские летчики в армии Маннергейма // *Невское Время*. 2004. 16 октября.

⁵² *Санкт-Петербургские Ведомости*. 2006. 7 мая.

⁵³ С. Ильченко. Торжество духа // *Невское Время*. 2004. 27 января.

территория масс-медиа – это поле борьбы за идеи, за доминирование в общественном сознании. Поэтому постулируя толерантность как основополагающую характеристику гражданского национализма в России, региональные СМИ Санкт-Петербурга, транслирующие взгляды региональных властей, в том числе и на природу нации и региона, решают задачу, которую ставит перед собой государство, претендующее на статус демократического, и снимают обвинения в негативном этническом национализме. Тем не менее проведенный анализ показывает, что данный тип прессы оставляет многие аспекты этих проблем непроговоренными, нерационализированными и взаимно несбалансированными. Можно предположить, что эта неотрефлексированность вытекает из ограниченных возможностей официальной региональной прессы в деле создания комплексного, полномасштабного проекта гражданского национализма в России.

Наше исследование показало, что принадлежность к Мы-группе “россияне” определяется не гражданством и не этничностью, а культурной и исторической общностью. Важным условием для принадлежности к общности выступают равнодушие отношение к стране в целом, психологическая причастность и “правильное” переживание событий, которые определяются властями как ключевые в истории страны и народа. Среди тех, кто не может быть включен в группу “Мы”, помимо очевидных Других в лице абстрактного Запада, выступают и российские либералы, репрезентирующие внутренний “Запад”, и российские же расисты и фашисты, которым чужд этнический универсализм, постулируемый как национальная особенность.

В то же время на фоне призывов к толерантности и многонациональности в официальных СМИ присутствуют характерные умолчания, монологизм в подаче материала, что делает проблематичным понимание того, до какой степени определенные группы, прежде всего жители Кавказа, Чечни, представители неправославных конфессий и др., включены в категорию “Мы”. Неопределенность взаимоотношений между более этнически ориентированным термином “русские” и надэтнической категорией “россияне” потенциально способствует трансформации нейтрального толерантного дискурса нации в свою противоположность. Последнее особенно очевидно, когда речь идет о пограничных конфликтах, о ситуации на Кавказе либо когда культурное пространство нации определяется через православные ценности.

Размытость дискурса нации в официальных СМИ, отказ от этнического ресурса мобилизации при отсутствии другого адекватного

мобилизующего ресурса, на наш взгляд, объясняют нечеткость границ между региональной петербургской и общероссийской национальной идентичностями. Они нередко переплетаются до полного взаимопроникновения. Транслируемая через официальную прессу региональная идентичность во многом работает на формирование и усиление национальной идентичности, при этом сам регион Санкт-Петербурга, хотя и отождествляется с Россией в целом, часто предстает как лучшая – наиболее культурная и историческая – ее часть. Особенность этого процесса состоит в том, что, говоря о нации в целом (как того требует государственная идеология), проправительственные СМИ Петербурга на самом деле говорят о и регионе, о региональной идентичности, опираясь на региональную мифологию, историческую память и культурные практики. Тем не менее, на наш взгляд, процесс выстраивания национальной идентичности через региональные особенности, что имеет место в Санкт-Петербурге, достаточно обоснован и закономерен, при том что регион объективно не оппозиционен центру.

Теоретически при ином политическом раскладе в регионе подмена языка нации языком региона на фоне противоречивости общероссийского дискурса нации способна усилить регионалистские тенденции. Однако насколько высказанная нами гипотеза верна, должны показать исследования официальной периодики в других регионах России.

SUMMARY

This article analyses the semantic space of national and regional identities as represented in the two major state-owned dailies of the city of St. Petersburg, the *Sankt-Peterburgskie Vedomosti* (run 233,000) and *Nevskoe Vremia* (run 85,000). The authors show how the national idea in the pro-government newspapers is transmitted through the language of regionalism, and how regional historical memory (like the Blockade of Leningrad) substitutes for the all-national one. National belonging is defined there on the basis of an inclusive and tolerant ideology; not by ethnicity, but by cultural and common historical experience and memory (which is true for regional identity as well). The absence of a clear definition of “nation” together with the rejection of the ethnic resource of regional mobilization explain the fluidity of borders between national and regional identities in the case of St. Petersburg. Sometimes national and regional discourses fully coincide and reinforce each other. The authors see this as a healthy development under the condition that the region is not opposed to the “center.”